

Иван Алексеевич Бунин

ВСХОДЫ НОВЫЕ

Оригинал здесь: [Электронная библиотека Яблучанского](#).

В усадьбе праздник - весна.

Днем жарко, весело, в голубом небе круглятся белые облака. Припекает облупившуюся железную крышу дома, мохнатые бревенчатые стены его, черные стекла окон. В слуховом окне, против солнца, воркуют голуби. На сохнущем и рассыпающемся фундаменте, на сирени палисадника липнет много крупных мух. Караковый жеребец князя стоит в пустой поварской, в длинной черной избе крепостных времен. Он беспокоится, не ест овса, насыпанного в лоток на лавке. Просунув голову в окно без рамы, он глядит на широкий зазеленевший двор и жалобно-страстно ржет.

Князь понемногу приходит в себя после долгой зимы. И эту зиму запивал он - все от одиночества, как говорят все; когда бывал трезв, ходил на охоту, играл в карты у лавочника, сидел в людской с работниками, случалось, и обедал с ними, а не то читал в своем теплом кабинете и часов в шесть ложился спать. Теперь он выходит из дому чаще, отдает распоряжения. Бесстрастно восточное лицо его с большими седеющими усами.

Князь вспомнил, что пора чистить, подметать сад: уж таков спокон веку обычай. И приказывает старосте пригнать девок-поденщиц. Девки весь день поют, сгребая листву по аллеям, по дорожкам; их красные и желтые сарафаны мелькают в голом, нежно зеленеющем саду. В доме растворены двери на крыльцо, раскрасневшаяся баба с подоткнутым подолом и коленками цвета моркови яростно моет полы в зале; в рамах, с треском выдираемых другой бабой, сверкают на солнце стекла и зеркальными зайчиками озаряют потолки. Льется теплый, солнечный воздух в комнаты, шумят воробьи на сирени возле дома... Князь, в одной косоворотке, в плисовых вытертых шароварах и дегтярных сапогах, ходит с работниками по осеке за сараем, выставляет из омшаника колодки, полные сердитого и певучего жужжания.

В воскресенье на Фоминой, как опять-таки ведется спокон веку, молятся в поле, на озимях. Молится все село, заказывает молебен и платит из своих скудных средств - князь.

Ночь накануне холодная и лунная. Девки-поденщицы сидят на крыльце людской, вполголоса поют и оговаривают друг друга: грех, завтра праздник большой. Они живут в саду, в бане, но нынче баню топили, князь купается. Когда он, накинув на плечи тулуп, проходит туда в лунном свете по двору, они бегут в светлый сад, под окна бани и, давась тем особенным таинственным смехом, которым смеются женщины весной, в лунные ночи, заглядывают, швыряют в стекла сучками. Князь с медлительной усмешкой стучит кулаком в стену. Купается и кучер князя, Николай, в той избе, где стоит жеребец: приносит туда два ведра, ставит на лавку зажженный огарок. Девки подбегают под окно без рамы, швыряют и в него. Косится на них, шуршит мокрой соломой, накиданной на полу, упруго перебирает ногами обеспокоенный огнем жеребец, а Николай сидит на соломе и намыливает голову. Услыхав смех под окном, он вскакивает и, с серьезным лицом, с седой от мыла головой, начинает плясать, потрещивать себя по голым мокрым ляжкам.

Утро теплое, солнечное. Приятно, когда звонят колокола в такое утро, приятно наряжаться под этот звон. Мягче кудрявятся белые облака над садом, млеет яркая синева между ними; со двора видно, как в полях, над зелеными и лиловеющими пашнями, бегут, струятся испарения.

- Дождь будет, парит, - сказал староста, обходя с овечьими ножницами в руке поставленный возле людской продранный стул, на который покорно, заранее вытянув и согнув шею, покрытый по плечам полотенцем, сел Николай в распоясанной рубахе,

Николай, пока подрубали на затылке его сухие рыжие волосы, все гляделся в зеленый осколок копеечного зеркала. Падают желтые клоки на полотенце, голова Николая становится меньше, уши отстают и торчат. Взяв у старосты ножницы, он подстриг и усы: стал длиннее его лебединый конопатый нос. Потом он нарядился: надел синюю атласную рубаху с рукавчиками, с тремя крупными белыми пуговицами на высоком вороте, отделанном каемкой кружев; подпоясался малиновым шелковым жгутом с махрами; вбил ноги в тесные сапоги с лакированными узкими голенищами. Рубашка коротка, ноги Николая, обтянутые кавалерийскими штанами, слишком топки, сам он худ и сутул, глаза у него маленькие, зеленые.

В доме сумрачно. Теплый воздух, льющийся в открытые окна, не скоро нагреет его. Все промерзло за зиму, с потолка в зале огромным животом висит отставшая, в коричневых подтеках,